

Мизецкий—Черненко вместе со своим коллегой по гимназии Горским впервые появляется на сцене в саду дома Ульяновых. Рядом с бездушным, тупым чиновником Горским, который даже в истории с Огородниковым видит «потрясение основ», Черненко кажется почти симпатичным. Пусть он труслив, безволен и немного чудаковат и робок, но в нем есть какая-то душа, какое-то понятие о человеческом достоинстве. Ему словно бы стыдно той роли, в которой он вынужден выступать перед Марией Александровной: взглянув на нее, он тотчас же опускает глаза; жесты нерешительны, слова в поддержку Горского будто бы и готовы сорваться с его уст, но вдруг он конфузливо прикрывает рот рукой. Правдиво, точно, выверенно и в то же время естественно, просто.

...Мизецкий — Родзянко под крики «здравия желаем, ваше превосходительство» входит в комнату. Мурлыча марш, разваливается на кушетке и так, лежа, выслушивает доклад Зейдлица. На протяжении всей картины (как, впрочем, и в следующей), он непрерывно кривляется, подмигивает и даже... показывает язык. Голос — нарочито высокий, почти женский, с этакими интонациями жеманничающей барышни. Да это же просто опереточный генерал, а не тот выведенный в пьесе Вишневского, пусть несумный, но злобный и жестокий враг, который требует включить в «Приказ по Петербургу»: «За нарушение какого-либо из этих пунктов — смертная казнь через повешение».

Идет сцена между Родзянко и пленным командиром бригады Красной Армии, бывшим генералом царской службы Николаевым. После фразы Родзянко: «Подвесь на ближайшем суку» — пленного выводят. И Мизецкий — Родзянко произносит высоким голосом, полным глупого жеманства: «Вот сволочь». Прошелся, похлопывая себя стеском по ногам, и опять тем же голосом: «Ах, какая сволочь». И мгновенно забываются вызвавшие только что аплодисменты гордые слова ушедшего на смерть советского гражданина: «До конца служу народу и советской власти» — в зале возникает смех. Так подчеркнуто гротесковая манера исполнения роли, не говоря уже о доле отсебятини, оборачивается у Мизецкого грубой бестактностью.

Станиславский, говоря о высокой ответственности художника перед народом, требовал от актеров, чтобы они не разменивались на мелкие трючки, были строги к себе, как художники.

К сожалению, нельзя сказать, чтобы все актеры Пензенского театра помнили о заветах великого реформатора сцены. Проще всего заметить это на примере спектакля «Забавный случай».

В спектакле, при самом доброжелательном отношении к нему, нельзя обнаружить и проблеска какой-нибудь мысли. Поставлен он в самой дурной традиционной манере, как принято было, вероятно, ставить такие спектакли лет сто назад: с бесконечными жеманными поклонами, с обязательным менуэтом, который пивесть для чего танцуют Жаннина и лейтенант де ла Котери и т. п.

Режиссер «Забавного случая» Н. Смирнов сказал после того как закрылся занавес:

— Удивительно, как разбалтываются у нас, спустя некоторое время, такие спектакли.

— ??

— Я говорю о легких пьесах, о комедиях, — пояснил Смирнов.

Такая постановка вопроса, такое разделение само по себе звучит достаточно странно. Конечно, «Забавный случай» не блещет особой глубиной мысли, от него до таких, например, комедий, как «Женитьба Фигаро» или «Школа злословия», — дистанция огромного размера. Но ведь речь идет в данном случае не о творчестве драматурга, а о творчестве ре-